

Тема единства в современной англоязычной научно-фантастической литературе

Казакова Ирина Борисовна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры и искусства, Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия, г. Самара. ORCID: 0000-0002-2036-8318. ResearcherID: AFV-7871-2022. E-mail: kib_sam@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы реализации темы единства в современной научно-фантастической литературе на материале творчества англоязычных писателей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления комплекса идей, лежащих в основе концепций единства в произведениях современной научно-фантастической литературы. Целью статьи является выявление и описание основных вариантов реализации темы единства в творчестве англоязычных писателей-фантастов последнего десятилетия XX–XXI вв. Предметом исследования выступают космологические, философско-этические, психологические и естественнонаучные концепции единства, присутствующие в литературных произведениях жанра научной фантастики последнего десятилетия XX и начала XXI в., при этом под единством понимается единство живых существ как наиболее востребованный в литературе этого жанра способ раскрытия данной темы.

При рассмотрении темы единства в современной научной фантастике автор статьи выделяет три самых распространенных варианта ее интерпретации писателями: первый связан с изображением нечеловеческих сообществ земного или внеземного происхождения, подобным сообществам коллективных насекомых; второй – с различными формами единства в человеческом обществе, связанными с психологическими, моральными концепциями или социальными институтами; в третьем варианте – надчеловеческом – единство достигается благодаря транс- или постгуманистическим технологиям. Такой подход позволяет систематизировать многочисленные тексты научно-фантастической литературы, посвященные теме единства, и выявить в них основные тенденции в раскрытии этой темы.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что в современной научной фантастике присутствуют такие трактовки единства, как объединенный общей целью или каким-либо социальным институтом человеческий коллектив, как единство законов психики, языка и мышления, как распределенный в индивидах коллективный разум внеземного или земного происхождения и, наконец, как недоступное для индивидуального понимания слияние всех сознаний в одной точке. Постоянное обращение писателей-фантастов к этой теме свидетельствует о ее актуальности для современного мира, обусловленной по большей части развитием объединяющих человечество технологий (в том числе в области медиа). Дальнейшее изучение темы единства в научной фантастике позволит не только более широко охватить многообразие трактовок этой темы, но и лучше понять культурно-исторический контекст этого литературного жанра.

Ключевые слова: научно-фантастическая литература, единство, коллективный разум, трансгуманизм.

Одна из самых значительных идей в истории культуры – идея единства мироздания, отражающая стремление культуры к целостности, к созданию завершенной картины мира. Эту идею можно обнаружить в онтологии даосизма и в индийской философии, в древнегреческой космологии, начавшейся «с поисков единого принципа, который должен объединить все возможные предметы в границах <...> мышления и показать их как взаимосвязанные проявления одного основного закона» [5, с. 17], и в универсализме средневековой культуры, стремившейся «охватить мир в целом, понять его как некоторое законченное всеединство» [2, с. 12]. И в дальнейшем – на всем протяжении Нового времени – эта идея продолжала играть важную роль в западной философии [6, с. 104–106], однако отчасти утратила свое значение в современной культуре, в которой, как заметил С. С. Аверинцев, наука разрушила любую

наглядность и тем самым сделала универсум недоступным для воображения [1, с. 339]. Разрушение единства мировосприятия, повлиявшее на все сферы культуры, в литературе проявилось в первую очередь в поэтике постмодернизма с его фрагментарностью, множественностью точек зрения и интерпретаций, отсутствием структуры и смыслового центра. Однако в литературе эпохи постмодерна можно найти и иную тенденцию, противоречащую магистральным настроениям этой эпохи, – тенденцию к созданию целостных миров. Это наиболее заметно в различных жанрах массовой литературы и отчасти объясняется коммерческой целесообразностью (примером может служить создание «вселенных» и циклов). Но не всегда стремление к реализации идеи единства в современной литературе связано лишь с коммерческими целями, доказательством чего является научная фантастика последнего десятилетия XX–XXI вв. В творчестве представителей этого жанра присутствует тема единства живых существ, которая реализуется во множестве разнообразных вариантов. Рассмотрение этих вариантов позволит выявить основные тенденции в раскрытии этой темы в современной научной фантастике.

Тема единства в научно-фантастической литературе присутствовала и до рассматриваемого периода – ее вариации встречаются уже у Г. Уэллса, одного из основателей жанра (роман «Царство муравьев», 1905). Особенно часто обращался к этой теме Ф. К. Дик, использовавший в своем творчестве ее психологические, религиозные, социокультурные трактовки [24, с. 82, 166]. В современной научной фантастике можно выделить несколько основных подходов к раскрытию этой темы. Первый связан с изображением нечеловеческих (в большинстве случаев – инопланетных) сообществ живых существ, представляющих из себя аналогию сообществ социальных насекомых, таких, как муравьи и пчелы. Принадлежность к подобной группе подразумевает отказ от индивидуальности во имя слаженного существования целого [20, с. 151–186]. Как правило, писатели-фантасты отрицательно оценивали потерю индивидуального сознания и свободы воли, хотя и признавали эффективность подобной организации социума. Противостояние человечества и подобного коллективного врага, будь то эволюционировавшие земные насекомые или инопланетная форма жизни, изображается в упомянутом ранее «Царстве муравьев» Г. Уэллса, «Рое» А. Херцога (1974), «Звездном десанте» Р. Хайнлайна (1959), «Игре Эндера» О. Скотта Карда (1985) и многих других произведениях, а в «Непобедимом» С. Лема (1964) в качестве враждебного коллектива насекомоподобных существ выступает рой нанороботов.

Изображая такие сообщества как враждебные человечеству, писатели-фантасты могли отметить и положительные стороны их существования, например, благотворное влияние на экологию («Зеленый мозг» Ф. Герберта (1966)), или же проявить к ним уважение или сочувствие («Голос тех, кого нет» О. Скотта Карда (1986)).

В научной фантастике последних трех десятилетий изображение нечеловеческой формы коллективного разума в целом не отступает от сложившейся традиции. В романе канадского фантаста Роберта Сойера (Robert James Sawyer, 1960 г. р.) «Конец эры» («End of an Era», 1994) двум палеонтологам, отправленным на машине времени в мезозойскую эру, приходится противостоять инопланетной форме жизни, напоминающей вирус, то есть способной существовать только благодаря другим живым существам. Этот инопланетный вирус обладает коллективным сознанием и способен проникать в разум существ, с которыми вступает во взаимодействие, чтобы подчинить их себе. В этом романе Р. Сойер отмечает невозможность лжи и утаивания информации как неотъемлемую, по его мнению, черту взаимодействия в таком коллективе [25, с. 195]. Неоднократно обращался к теме коллективного разума еще один современный канадский писатель-фантаст Питер Уоттс (Peter Watts, 1958 г. р.): в романе «Ложная слепота» («Blindsight», 2006) экипаж космического корабля сталкивается с инопланетным объектом – колонией существ, обладающих коллективным интеллектом, но не сознанием, поэтому взаимодействие с ним носит характер общения с «китайской комнатой» [12, с. 115].

Присоединение людей к такому коллективу рассматривается как крайне нежелательное, поскольку влечет за собой не только утрату индивидуальности, но и человеческой идентичности. Герой рассказа П. Уоттса «Боги насекомых» («Insect Gods», 2015) описывает свой опыт присоединения к сознанию осьминога как превращение цельной личности в колонию, состоящую из относительно самостоятельных чувствительных конечностей, и этот опыт оказывается травмирующим для психики человека [12, с. 453–454]. (Эта тема встречалась в научной фантастике и прежде: в рассказе Б. Стерлинга «Рой» (1982) герой, которого вынуж-

дают стать частью колонии организмов, объединенных симбиотическими отношениями, выражает надежду, что даже в качестве части этого коллектива он сохранит свою человеческую природу [33, с. 495]).

Если уподобление человеческого общества коллективу насекомых или похожих на них существ, а также присоединение людей к такому коллективу расценивается в научной фантастике в целом отрицательно (за небольшими исключениями, к которым можно отнести, например, «Термитник Хеллстрема» Ф. Герберта (1973)) – как несущее угрозу самой человеческой природе, то различные виды единства людей, опирающегося на социально-политические институты или моральные и психологические концепции, получают более неоднозначные оценки писателей-фантастов. Так, популярным мотивом является объединение человечества для решения каких-либо глобальных задач под руководством ООН. Эта организация упоминалась в научной фантастике и прежде: в творчестве Ф. К. Дика ООН координировала колонизацию других планет («Сдвиг времени по-марсиански» (1962), «Мечтают ли андройды об электроовцах?» (1968)), у А. Кларка – участвовала в подготовке к космической экспедиции («2010: Одиссея Два» (1982)). В современной научной фантастике объединяющая функция этой организации особенно акцентируется. В романе американского фантаста Энди Вейра (Andrew «Andy» Weir, 1972 г. р.) «Проект «Аве Мария» («Project Nail Mary», 2021) для предотвращения гибели Солнца от пожирающих его астрофагов – одноклеточной инопланетной формы жизни – ООН создает международную научную группу, которой удастся найти решение проблемы и организовать экспедицию на космическом корабле «Аве Мария». В финале романа главный герой, вынужденный навсегда покинуть Землю, выражает надежду, что людям удалось объединить усилия и спастись: «Уверен, люди работали сообща. И пускай я рассуждаю, как наивный оптимист, но для человечества нет ничего невозможного – стоит только захотеть. В конце концов, «Аве Марию» строили все вместе» [3, с. 572]. Подобные мысли об ООН высказываются в романе Р. Сойера «Пришелец и закон» («Illegal Alien», 1997), в котором эта организация выступает посредником в контакте человечества с внеземной цивилизацией. Герой романа размышляет о том, что «в истории ООН, вероятно, было больше неудач, чем успехов, но она по-прежнему оставалась воплощением наиболее возвышенных человеческих идеалов» [28, с. 33]. В других произведениях канадского фантаста эта организация также играет значительную роль: в романе «Старплекс» («Starplex», 1996) ООН регулирует взаимоотношения человечества с инопланетными цивилизациями, а в романе «Золотое руно» («Golden Fleese», 1990) – организует космическую экспедицию.

Другая трактовка темы единства, основанного на политике, морали или психологии, которая нередко встречается в научно-фантастической литературе, связана с этическим учением утилитаризма, в котором высшей целью человечества провозглашается общее благо, понимаемое как совокупность благ отдельных людей [7, с. 173]. В современной научной фантастике концепция утилитаризма приобрела большую популярность, поскольку в конце XX в. стала частью трансгуманистического учения, заметно повлиявшего на творчество многих фантастов. Идеи классического утилитаризма XVIII–XIX вв. (о трансгуманистических утилитаристских представлениях будет сказано ниже) в современной фантастике представлены в творчестве Р. Сойера и П. Уоттса. У первого из этих писателей этика утилитаризма предстает как надежная основа для сплочения общества: главный герой романа «Квантовая ночь» («Quantum Night», 2016) в следовании утилитаристскому учению И. Бентама и Дж. С. Милля видит залог морального роста и объединения общества, сокращения страданий и увеличения совокупного счастья людей [8, с. 72]. П. Уоттс, напротив, обращаясь в трилогии «Рифтеры» («Rifters Trilogy», 1999–2005) к утилитаристским идеям, показывает, что осуществление идеала общего блага на практике возможно только за счет принесения в жертву части идеала. Подобный подход – более близкий прагматизму, чем утилитаризму, – делает идею общего блага несостоятельной. Один из персонажей трилогии размышляет о людях, принесенных в жертву ради нераспространения эпидемий, которые в мире «Рифтеров» приобрели огромные масштабы, и вспоминает в связи с этим «истрепавшийся лозунг, которым когда-то оправдывали астрономические цифры потерь: *Общее благо*» [11, с. 357]. Люди, принимающие в «Рифтерах» подобные прагматические решения, характеризуются как психопаты – «создания без совести – трезвые, дальновидные, рациональные, те, кого не трогали эмоции, которые в простых смертных пробуждала гора трупов» [11, с. 498]. В целом, несмотря на приведенные примеры, в современной научной фантастике популярен не столько классический утилитаризм, сколько его трансгуманистические интерпретации.

Если позитивистские этические учения редко выступают в научно-фантастической литературе в качестве идейной основы для объединения человечества, то аналитическую психологию К. Г. Юнга писатели используют с этой целью намного чаще. Интерес современных фантастов к юнгианству отчасти обусловлен тем, что к концепции коллективного бессознательного К. Г. Юнга охотно прибегал в своем творчестве предшественник киберпанка Ф. К. Дик («Пролетесь, слезы» (1974), «Человек в высоком замке» (1962), «Обман инкорпорейтед» (1966) и др.), создававший с ее помощью экзистенциалистскую атмосферу своих произведений.

У представителей современной научно-фантастической литературы элементы юнгианского учения соединяются с актуальными темами и проблемами конца XX–XXI вв. В романе Р. Сойера «Факторизация человечества» («Factoring Humanity», 1998) описывается некое психопространство, из которого можно проникнуть в сознание любого человека [26, с. 233–235]. Отдельные сознания изолированы друг от друга, и только когда с психопространством человечества соприкасается объединенное сознание – «надразум» – инопланетной цивилизации, сознания всех людей также начинают объединяться в надразум, способный вступить с этой цивилизацией в контакт. Как и в других произведениях Р. Сойера со схожей тематикой, это событие – объединение сознаний – приводит к нравственному прогрессу человечества, что в юнгианском контексте романа означает обретение единым человечеством Самости. Архетип Самости в учении К. Г. Юнга проявляется в процессе индивидуации, то есть формирования единой и неделимой человеческой психики [17]. На примере отдельных персонажей Р. Сойер показывает, как достигнутая человечеством Самость нравственно преобразует отдельных людей: ложь и недомолвки исчезают, преступники отказываются от задуманных преступлений, в людях просыпается эмпатия, и, в соответствии со словами К. Г. Юнга, в них происходит «переход из такого состояния, в котором человек есть только орудие инстинктивной природы, в другое, где он уже более не орудие, а сам себе владыка. Это превращение природы в культуру» [15, с. 218].

Юнгианские мотивы, связанные с темой единства, присутствуют в научно-фантастическом романе «Отчаяние» («Distress», 1995) австралийского писателя Грегга Игана (Greg Egan, 1961 г. р.). В основе сюжета этого романа, действие которого происходит в недалеком будущем, лежит идеологическая и политическая борьба между сторонниками науки, ожидающими завершения создания Теории Всего, и сторонниками мистики и интуитивизма, убежденными в недопустимости чисто научного подхода к раскрытию тайн Вселенной. К своим духовным лидерам враги науки в романе относят К. Г. Юнга, П. Тейяра де Шардена, Дж. Кэмпбелла, Ф. Капра [19, с. 139]. Всех перечисленных мыслителей сближает стремление создать масштабные (или даже всеобъемлющие) теории, соединяющие науку, философию и религию. Однако заявленное в «Отчаянии» противопоставление этих двух точек зрения по мере развития событий оказывается условным: герою романа удастся понять Теорию Всего, но не с помощью разума, а путем мгновенного мистического озарения [19, с. 336]. Одномоментно познав все тайны Вселенной, герой романа обнаруживает, что Теория Всего бесполезна для познания другого человека – чужая субъективность так и осталась тайной, а значит, абсолютное познание для одного изолированного человека невозможно. Выход, который предлагается в романе, предполагает участие всех людей в процессе познания Вселенной – только тогда Теория Всего станет действительно всеобъемлющей. Таким образом сближаются обозначенные в романе позиции противостоящих сторон, и создатели синтетических концепций уже не кажутся врагами науки и прогресса.

Отсылки к юнгианской теории можно найти в творчестве еще одного современного фантаста – американского писателя Нила Стивенсона (Neal Town Stephenson, 1959 г. р.), произведения которого нередко обладают сложной жанровой природой, соединяя в себе элементы научной фантастики, кибер- и посткиберпанка, фэнтези, магического реализма, исторического жанра. Идея единства неизменно привлекает Н. Стивенсона, в том числе, как уже было сказано, в ее юнгианском варианте. В романе «Алмазный век, или Букварь для благородных девиц» («The Diamond Age: or A Young Lady's Illustrated Primer», 1995) концепция коллективного бессознательного связывается с проблемами коммуникации и передачи информации. Согласно сюжету романа, в мире будущего существует тайная организация, которая собирает и передает информацию на бессознательном интуитивном уровне, непосредственно от человека к человеку. Процесс сбора, обработки и передачи информации происходит во время массовых оргий, при этом подразумевается, что у коллективного бессознательного, которое активизируется в таких условиях, имеется материальный субстрат – секреторные жидкости,

содержащие в себе наночастицы [9, с. 368–369]. Чтобы подчеркнуть материалистичность своей трактовки юнгианского учения, Н. Стивенсон проводит аналогию между работой коллективного бессознательного и алхимией: один из героев романа замечает, что «доступ к коллективному бессознательному <...> станет тем же, чем был философский камень для алхимии» [9, с. 399]. В контексте алхимических изысканий К. Г. Юнга подобная параллель выглядит естественно, однако следует заметить, что если автора «Психологии и алхимии» эта тайная наука интересовала в первую очередь как духовная практика [16], то в романе Н. Стивенсона алхимия неотделима от ее материальной, химической составляющей.

Более традиционная трактовка юнгианства присутствует в романе Н. Стивенсона «Криптономикон» («Cryptonomicon», 1999), где один из героев рассуждает о возникающих в сознании людей обобщенных образах-представлениях, которые могут отличаться в зависимости от эпохи и культуры, но при этом имеют единый объективно существующий источник, подобный платоновскому миру идей [10, с. 735–736]. Так, богиня Афина – это не сверхъестественное существо, а «некая сущность, явление, тенденция, которую древние греки увидели и, пропустив через свои языческие взгляды и механизмы восприятия, назвали Афиной» [10, с. 736]. Она существовала как «внешний генератор внутреннего образа <...> А если она существовала тогда, то, скорее всего, существует и теперь» [10, с. 736]. Мир этих архетипических сущностей в «Криптономиконе» обозначается как «ignoti et quasi occulti», то есть «неведомое и как бы скрытое» [10, с. 734], и в соответствии с этим девизом их природа в романе не раскрывается полностью. Однако очевидно, что здесь концепция К. Г. Юнга представлена с ее культурологической стороны: коллективное бессознательное выступает как единый источник культуры, а сама культура рассматривается как основа единения человечества.

Склонность Н. Стивенсона к поискам единого врожденного источника человеческого мышления можно обнаружить и в его более раннем романе «Лавина» («Snow Crash», 1992), в котором изображается воздействие на человеческую психику неких глубинных лингвистических структур, или праязыка, хранящегося в базовых нейронных цепях [32, с. 394–395], что является отсылкой к научным идеям Н. Хомского [13]. В «Лавине» тема единства приобретает зловещее звучание: праязык используется здесь некой могущественной корпорацией как средство нейролингвистического программирования человечества с целью контроля над ним. Единству праязыка, согласно излагаемой в романе Н. Стивенсона концепции, противостоит многообразие вторичных языков, которое до некоторой степени защищает человечество от угрозы тоталитаризма. В романе описывается несколько способов, с помощью которых можно активировать глубинные языковые структуры (и тем самым объединить человечество и сделать его управляемым), к числу которых относится использование различных медиа [32, с. 402]. (Аналогичные мысли о роли СМИ высказывались и в упомянутом ранее «Алмазном веке» [9, с. 330–331], и это неслучайно, поскольку события обоих романов происходят в одной художественной вселенной).

Таким образом, Н. Стивенсон видит единство человечества в общности психологической жизни, законов мышления (единству этих законов также посвящен роман Н. Стивенсона «Анафем» («Anathem», 2008) и до определенной степени в единых основаниях культуры, хотя именно в разнообразии культурных форм писатель видит защиту от возможной угрозы тоталитаризма.

Пробуждению коллективного бессознательного посвящен упомянутый ранее рассказ П. Уоттса «Боги насекомых», в котором описывается, как из-за технического сбоя произошло кратковременное слияние сознаний миллионов людей, «ушедших на небеса», то есть тех, кто во избежание смерти передал свое тело и свой мозг на длительное хранение с помощью специальных технологий. При этом сознание отдельных «ушедших на небеса» людей ничем не отличалось от сознания живущих, до тех пор, пока не возник роевой разум. С этого момента «ушедшие на небеса» перестали контактировать с живыми, которым остается только догадываться о том, что происходит в сознании коллективного существа. В финале рассказчик предполагает, что «это не просто смена парадигмы. В этом есть что-то инстинктивное: миллионы не связанных друг с другом душ по всей планете неожиданно стали одержимы жадной вырваться из собственных черепов...» [12, с. 458]. По-видимому, резюмирует рассказчик, мы имеем дело с «коллективным бессознательным, пытающимся проснуться» [12, с. 458].

Описанное в рассказе П. Уоттса единство балансирует на грани человеческого и надчеловеческого (и одновременно – прачеловеческого), хотя юнгианская концепция коллективного бессознательного не предполагает выхода за пределы человеческой природы. Этого нельзя сказать о следующей группе концепций, которые используются в современной науч-

ной фантастике для изображения единства, имеющего сверхчеловеческое основание и зачатую связанную с идеями транс- и постгуманизма.

Из современных представителей научной фантастики наиболее часто обращается к таким концепциям Р. Сойер. Будучи поклонником идей утилитаризма, писатель активно использует в своем творчестве утилитаристскую трансгуманистическую концепцию объединения всех живых существ в одно счастливое бессмертное сверхсущество. Один из создателей этой концепции британский философ Дэвид Пирс (1959 г. р.) в своем программном сочинении «Гедонистический императив» (1995) заявлял, что с помощью генной инженерии можно будет осуществить постдарвиновский переход, сделав всех людей счастливыми и моральными: «...Максимум через несколько тысячелетий состояния сознания повсюду будут по самой своей природе более приятными, чем любой современный человек может себе представить. <...> Все моральные недуги, выявленные современными светскими системами ценностей, могут быть искоренены навсегда. Страдания однажды станут физически невозможными» [21]. В другой своей работе, «Ударные волны утилитрония против градиентов страдания», Д. Пирс уже в духе постгуманизма предсказывает, что гедонистическая эволюция в отдаленном будущем приведет к «преобразованию *всей* доступной материи и энергии – не в последнюю очередь людей и животных – в относительно однородную материю, оптимизированную для максимального блаженства: «утилитроний» [22].

В своих романах Р. Сойер нередко дополняет идеи Д. Пирса другими концепциями единства. Например, в «Смертельном эксперименте» («The Terminal Experiment», 1995) души всех умерших возвращаются к первоисточку, напоминающему неоплатоническое Единое [29, с. 269], а в романе «Вспомни, что будет» («Flashforward», 1999) упоминается «точка Омеги» [27, с. 154], в которой, согласно воззрениям П. Тейяра де Шардена и Ф. Типлера [37, с. 216–218], все индивидуальные сознания сольются в одно. Также для обоснования единства человечества Р. Сойер обращается к концепции квантового сознания, согласно которой в работе мозга присутствуют квантовые эффекты. Эта концепция не нашла практического подтверждения и не признана официальной наукой [31], однако в современной научной фантастике она востребована – к ней, помимо Р. Сойера, обращаются, например, Г. Иган в романе «Карантин» («Quarantine», 1992) и американский фантаст Тэд Чан (Ted Chiang, 1967 г. р.) в повести «Тревожность – это головокружение от свободы» («Anxiety Is the Dizziness of Freedom», 2019).

Р. Сойера в концепции квантового сознания привлекает возможность использовать применительно к человеческому разуму понятие квантовой запутанности: в романах «Квантовая ночь» и «Триггеры» («Triggers», 2012) изображаются ситуации, в которых сознания ничем не связанных людей начинают зависеть друг от друга, при этом во втором романе проникновение в воспоминания других людей постепенно приводит к объединению сознаний всех людей и превращению человечества в единый мыслящий гештальт. Писатель описывает это как эволюционный скачок (недаром в эпилоге «Триггеров» приводится цитата из «Происхождения видов» Ч. Дарвина [30, с. 340]), который привел к появлению «совершенной и прекрасной» формы разумной жизни, наделенной совестью и неспособной лгать и проявлять агрессию [30, с. 337–338]. (Подобный сюжетный поворот присутствовал в романе Т. Старджона «Больше, чем люди» (1953), где группа людей со сверхспособностями превратилась в единого «гештальт-человека», наделенного моральным сознанием и способного телепатически общаться с другими подобными «гештальт-людьми» [36, с. 227–232]).

Описывая в «Триггерах» превращение человечества в мыслящее единство, Р. Сойер использует понятие сингулярности. Героиня романа, получившая, как и все, доступ в сознание других людей, знакомится с этим ранее неизвестным ей понятием: «Сингулярность. <...> момент, в который машинный разум предположительно превзойдет человеческий, запустив молниеносный технический прогресс, который оставит старого *Homo sapiens* далеко позади. Но сторонники Сингулярности умалчивали о том, что машины со временем *не* становятся более разумными; у них *нулевой* интеллект и отсутствует сознание, и как бы быстро они ни перемалывали числа, они все равно остаются *пусты*. И все же предсказанный рывок произошел: обширный, всеобъемлющий и изменяющий мир «ух» ускоряющейся силы. Это была цепная реакция, неостановимый водопад. Но не машины, а человеческие существа усиливали друг друга, мудрость толпы, выведенная на новый уровень, общество разума, растекающегося во все стороны» [30, с. 337–338].

Такое понимание сингулярности необычно для научной фантастики, в которой чаще можно встретить концепцию технологической сингулярности, согласно которой создание

искусственного интеллекта, превосходящего человеческий, приведет к стремительному ускорению развития технологий [4, с. 6–14]. Наступление эпохи технологической сингулярности обычно связывается с постгуманистическими проектами, а сама эта эпоха предстает как время освобождения человеческого разума от любых физических ограничений и слияния индивидуальных человеческих сознаний и искусственного интеллекта в единую всеохватную мыслящую силу [14]. В современной научно-фантастической литературе тема постгуманистической сингулярности присутствует, например, в творчестве английского писателя Чарльза Стросса (Charles Stross, 1964 г. р.), который трактует эту тему в свойственной ему иронической манере. Так, в романе «Небо сингулярности» («Singularity Sky», 2003) описывается, как под влиянием странствующей в космосе цивилизации на планете, населенной людьми, начинаются многочисленные изменения: пользуясь предоставленными пришельцами неограниченными технологическими возможностями, люди начинают модифицировать себя и окружающий мир, вследствие чего природа оказывается охваченной «трансценденцией» и обретает разумность, а часть людей присоединяется к цивилизации пришельцев с помощью технологии загрузки сознания [35, с. 294–295]. В «Аччелерандо» («Accelerando», 2005), другом романе Ч. Стросса, также изображается наступление эры технологической сингулярности, в частности, описывается компьютеризм – облако из питающихся солнечной энергией свободно летающих нанокomпьютеров размером с рисовое зернышко [34, с. 200], частью которого со временем должно стать выгруженное сознание всего человечества.

Если у Ч. Стросса объединение отдельных разумов в постгуманистическое единое сознание представлено лишь как часть быстро и неизбежно меняющейся реальности, то в творчестве другого современного фантаста, американского писателя Джона Барнса (John Allen Barnes, 1957 г. р.), акцентируются проблемы, которые могут возникнуть после появления такого сверхчеловеческого коллективного разума. В его цикле романов «Век по соседству» («Century Next Door», 1991–2002) коллективный разум, включивший в себя все население Земли, продолжает экспансию за ее пределы, что выглядит угрожающе, несмотря на его благие намерения и пользу, которую получает каждый присоединившийся к коллективу [18, с. 113]. Напротив, в романе английской писательницы Джастины Робсон (Justina Robson, 1968 г. р.) «Естественная история» («Natural History», 2003) коллективные разумы рассматриваются как новый подвид человеческого вида, не несущий в себе опасности для людей [23]. В целом, трансгуманистический вариант темы единства, связанный с концепцией технологической сингулярности, начал разрабатываться в научной фантастике сравнительно недавно – с последнего десятилетия прошлого века, и в настоящее время какие-то определенные тенденции в разработке этой темы еще не оформились.

Рассмотрев основные варианты реализации темы единства в творчестве англоязычных писателей-фантастов последнего десятилетия XX–XXI вв., можно прийти к заключению о чрезвычайной важности этой темы для современной научно-фантастической литературы. Обращаясь к этой теме, писатели используют различные философские, религиозные, научные (и псевдонаучные) концепции единства, которое могут трактовать как объединенный общей целью или каким-либо социальным институтом человеческий коллектив, как единство законов психики, языка и мышления, как распределенный в индивидах коллективный разум внеземного или земного происхождения и, наконец, как недоступное для индивидуального понимания слияние всех сознаний в одной точке. Далеко не все из представленных в научной фантастике вариантов объединения живых существ рассматриваются писателями как приемлемые для человека и человечества, однако настойчивое возвращение научно-фантастической литературы к этой теме свидетельствует о ее актуальности для современного мира, обусловленной по большей части развитием объединяющих человечество технологий (в том числе в области медиа). Дальнейшее изучение темы единства в научной фантастике позволит не только более широко охватить многообразие трактовок этой темы, но и лучше понять культурно-исторический контекст этого литературного жанра.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы // Человек в системе наук. М. : Наука, 1989. С. 332–342.
2. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб. : Мифрил, 1995. XVIII+244 с.
3. Вейер Э. Проект «Аве Мария» / пер. с англ. О. Акопян. М. : АСТ, 2021. 576 с.
4. Виндж В. Сингулярность : сборник / пер. с англ. М. Левина, В. Гришечкина. М. : АСТ, 2019. 224 с.

5. Гилберт К., Кун Г. История эстетики : в 2 кн. Кн. 1 / пер. с англ. Изд. 2-е. М. : Прогресс, 2000. 348 с.
6. Единство // Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 2 / глав. ред. Ф. В. Константинов. М. : Советская энциклопедия, 1962. 575 с.
7. Милль Дж. С. Утилитарианизм. О свободе. С приложением очерка жизни и деятельности Милля Е. Конради / пер. с англ. А. Н. Неведомского. СПб. : И. П. Перевозников, 1900. 427 с.
8. Сойер Р. Квантовая ночь / пер. с англ. В. Слободяна. М. : Эксмо, 2019. 480 с.
9. Стивенсон Н. Алмазный век / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. М. : Эксмо, 2019. 544 с.
10. Стивенсон Н. Криптономикон / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. М. : Эксмо, 2021. 848 с.
11. Уоттс П. Бетагемот. Грубый корм. Непогрешимая / пер. с англ. Г. Соловьевой, Ю. Вейсберг, Н. Кудрявцева. М. : АСТ, 2019. 698 с.
12. Уоттс П. Огнепад: Ложная слепота. Зеро. Боги насекомых. Полковник. Эхопраксия / пер. с англ. Д. Смущковича, Н. Кудрявцева М. : АСТ, 2020. 908 с.
13. Хомский Н. Язык и мышление / пер. с англ. Б. Ю. Городецкого. М. : Изд-во МГУ, 1972. 123 с.
14. Циммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме. URL: <https://integraltranslations.wordpress.com/2011/11/06/zimmerman-religiousmotifsposthumanism/> (дата обращения: 23.10.2023).
15. Юнг К. Г. Конфликты детской души / пер. с нем. Т. Ребеко, Е. Рязановой, А. Судакова. М. : Канон, 1997. 336 с.
16. Юнг К. Г. Психология и алхимия / пер. с англ. С. Удовика. М. : АСТ, 2008. 608 с.
17. Юнг К. Г. Эон. Исследования о символике самости / пер. А. Чечиной. М. : АСТ, 2019. 352 с.
18. Barnes J. Orbital Resonance. New York : A Tor Book, 1991. 245 p.
19. Egan G. Distress : A Novel. New York : Harper Prism, 1997. 342 p.
20. Hollingsworth C. Poetics of the Hive: The Insect Metaphor in Literature. Iowa City : University of Iowa Press, 2001. 326 p.
21. Pearce D. The Hedonistic Imperative. URL: <https://www.hedweb.com/hedonist.html> (дата обращения: 03.10.2023).
22. Pearce D. Utilitronium Shockwaves vs Gradients of Bliss. URL: <https://www.hedweb.com/social-media/pre2014.html> (дата обращения: 22.10.2023).
23. Robson J. Natural History. London : Macmillan, 2003. 330 p.
24. Rossi U. The Twisted Worlds of Philip K. Dick: A Reading of Twenty Ontologically Uncertain Novels. London : McFarland & Company, 2011.
25. Sawyer R. J. End of an Era. New York : A Tor Book, 2001. 260 p.
26. Sawyer R. J. Factoring Humanity. New York : Tor Books, 1998. 350 p.
27. Sawyer R. J. Flashforward. New York : A Tor Book, 2014. 305 p.
28. Sawyer R. J. Illegal alien. New York : Ace Books, 1997. 292 p.
29. Sawyer R. J. The Terminal Experiment. Toronto : Penguin Canada, 2009. 273 p.
30. Sawyer R. J. Triggers. London : Gollancz, 2012. 342 p.
31. Smith C. U. M. The «hard problem» and the quantum physicists. Part 2: Modern times // Brain and Cognition. 2009. Vol. 71. Pp. 54–63. DOI: 10.1016/j.bandc.2007.09.004.
32. Stephenson N. Snow Crash. New York : Bantam Books, 1992. 440 p.
33. Sterling B. Swarm // The Oxford Book of Science Fiction Stories / ed. by T. Shippey. Oxford-New York : Oxford University Press, 1992. Pp. 472–495.
34. Stross Ch. Accelerando. New York : Ace Books, 2005. 415 p.
35. Stross Ch. Singularity sky. London : Orbit, 2004. 400 p.
36. Sturgeon T. More Than Human. New York : Farrar, Straus and Young, 1953. 233 p.
37. Tipler F. The Physics of Immortality: Modern Cosmology, God, and the Resurrection of the Dead. New York : Doubleday, 1994. XXVI+528 p.

The theme of unity in modern English-language science fiction literature

Kazakova Irina Borisovna

Doctor of Philology, associate professor, professor of the Department of Philosophy,
History and Theory of World Culture and Art, Samara State Socio-Pedagogical University. Russia, Samara.
ORCID: 0000-0002-2036-8318. ResearcherID: AFDV-7871-2022. E-mail: kib_sam@mail.ru

Abstract. The article discusses various ways to implement the theme of unity in modern science fiction literature based on the work of English-speaking writers. The relevance of the research is due to the need to comprehend the complex of ideas underlying the concepts of unity in the works of modern science fiction literature. The purpose of the article is to identify and describe the main options for implementing the theme of unity in the work of English-speaking science fiction writers of the last decade of the XX–XXI centuries. The subject of the research is the cosmological, philosophical, ethical, psychological and natural science concepts of unity pre-

sent in the literary works of the science fiction genre of the last decade of the XX and the beginning of the XXI century. At the same time, unity is understood as the unity of living beings as the most popular way of revealing this topic in the literature of this genre.

When considering the topic of unity in modern science fiction, the author of the article identifies three of the most common variants of its interpretation by writers: the first is associated with the depiction of non-human communities of terrestrial or extraterrestrial origin, similar to communities of collective insects; the second – with various forms of unity in human society associated with psychological, moral concepts or social institutions; in the third variant – superhuman – unity is achieved through trans- or posthumanistic technologies. This approach makes it possible to systematize numerous texts of science fiction literature devoted to the theme of unity, and identify in them the main trends in the disclosure of this topic.

As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that in modern science fiction there are such interpretations of unity as a human collective united by a common goal or some social institution, as a unity of the laws of the psyche, language and thinking, as a collective intelligence distributed in individuals of extraterrestrial or terrestrial origin and, finally, as inaccessible to individual understanding is the fusion of all consciousnesses at one point. The constant appeal of science fiction writers to this topic testifies to its relevance to the modern world, due in large part to the development of technologies that unite humanity (including in the field of media). Further study of the theme of unity in science fiction will allow not only to cover the diversity of interpretations of this topic more widely, but also to better understand the cultural and historical context of this literary genre.

Keywords: science fiction literature, unity, collective mind, transhumanism.

References

1. Averincev S. S. *Dva rozhdeniya evropejskogo racionalizma i prostejschie real'nosti literatury* [Two births of European rationalism and the simplest realities of literature] // *Chelovek v sisteme nauk* – Man in the system of sciences. M. Nauka (Science), 1989. Pp. 332–342.
2. Bicilli P. M. *Elementy srednevekovoj kul'tury* [Elements of medieval culture]. SPb. Mithril, 1995. XVIII+244 p.
3. Weyer E. *Proekt "Ave Mariya"* [The Ave Maria project] / transl. from English by O. Hakobyan. M. AST, 2021. 576 p.
4. Vinge V. *Singulyarnost' : sbornik* [Singularity : collection] / transl. from English by M. Levin, V. Gri-shechkin. M. AST, 2019. 224 p.
5. Gilbert K., Kuhn G. *Istoriya estetiki : v 2 kn. Kn. 1* [The history of aesthetics : in 2 books. Book 1] / transl. from English. Ed. 2nd. M. Progress, 2000. 348 p.
6. *Edinstvo – Unity* // *Filosofskaya enciklopediya : v 5 t. T. 2 – Philosophical encyclopedia : in 5 vols. Vol. 2* / chief ed. F. V. Konstantinov. M. Soviet Encyclopedia, 1962. 575 p.
7. Mill J. S. *Utilitarianizm. O svobode. S prilozheniem ocherka zhizni i deyatel'nosti Millya E. Konradi* [Utilitarianism. About freedom. With an appendix of an essay on the life and work of Mill E. Konradi] / transl. from English by A. N. Nevedomsky. SPb. I. P. Perevoznikov, 1900. 427 p.
8. Sawyer R. *Kvantovaya noch'* [Quantum night] / transl. from English by V. Slobodyan. M. Eksmo, 2019. 480 p.
9. Stevenson N. *Almaznyj vek* [The Diamond Age] / transl. from English by E. Dobrokhotova-Maikova. M. Eksmo, 2019. 544 p.
10. Stevenson N. *Kriptonomikon* [Cryptonomicon] / transl. from English by E. Dobrokhotova-Maikova. M. Eksmo, 2021. 848 p.
11. Watts P. *Betagemot. Grubyy korm. Nepogreshimaya* [Betagemot. Roughage. Infallible] / transl. from English by G. Solovyova, Yu. Weisberg, N. Kudryavtseva. M. AST, 2019. 698 p.
12. Watts P. *Ognepad: Lozhnaya slepota. Zero. Bogi nasekomyh. Polkovnik. Ekhopraksiya* [Firefall: False blindness. Zero. Insect gods. Colonel. Echopraxia] / transl. from English by D. Smushkovich, N. Kudryavtsev M. AST, 2020. 908 p.
13. Homskij N. *Yazyk i myshlenie* [Language and thinking] / transl. from English by B. Y. Gorodetsky. M. Publishing House of Moscow State University, 1972. 123 p.
14. Zimmerman M. *Religioznye motivy v tekhnologicheskom postgumanizme* [Religious motives in technological posthumanism]. Available at: <https://integraltranslations.wordpress.com/2011/11/06/zimmerman-religiousmotifsposthumanism/> (date accessed: 23.10.2023).
15. Jung K. G. *Konflikty detskoj dushi* [Conflicts of the child's soul] / transl. from German by T. Rebeke, E. Ryazanova, A. Sudakova. M. Canon, 1997. 336 p.
16. Jung K. G. *Psihologiya i alhimiya* [Psychology and alchemy] / transl. from English by S. Udovika. M. AST, 2008. 608 p.
17. Jung K. G. *Eon. Issledovaniya o simvolike samosti* [Eon. Studies on the symbolism of the self] / transl. by A. Chechina. M. AST, 2019. 352 p.
18. Barnes J. *Orbital Resonance*. New York : A Tor Book, 1991. 245 p.

19. *Egan G.* Distress : A Novel. New York : Harper Prism, 1997. 342 p.
20. *Hollingsworth C.* Poetics of the Hive: The Insect Metaphor in Literature. Iowa City : University of Iowa Press, 2001. 326 p.
21. *Pearce D.* The Hedonistic Imperative. Available at: <https://www.hedweb.com/hedonist.html> (date accessed: 03.10.2023).
22. *Pearce D.* Utilitronium Shockwaves vs Gradients of Bliss. Available at: <https://www.hedweb.com/social-media/pre2014.html> (date accessed: 22.10.2023).
23. *Robson J.* Natural History. London : Macmillan, 2003. 330 p.
24. *Rossi U.* The Twisted Worlds of Philip K. Dick: A Reading of Twenty Ontologically Uncertain Novels. London : McFarland & Company, 2011.
25. *Sawyer R. J.* End of an Era. New York : A Tor Book, 2001. 260 p.
26. *Sawyer R. J.* Factoring Humanity. New York : Tor Books, 1998. 350 p.
27. *Sawyer R. J.* Flashforward. New York : A Tor Book, 2014. 305 p.
28. *Sawyer R. J.* Illegal alien. New York : Ace Books, 1997. 292 p.
29. *Sawyer R. J.* The Terminal Experiment. Toronto : Penguin Canada, 2009. 273 p.
30. *Sawyer R. J.* Triggers. London : Gollancz, 2012. 342 p.
31. *Smith C. U. M.* The «hard problem» and the quantum physicists. Part 2: Modern times // Brain and Cognition. 2009. Vol. 71. Pp. 54–63. DOI: 10.1016/j.bandc.2007.09.004.
32. *Stephenson N.* Snow Crash. New York : Bantam Books, 1992. 440 p.
33. *Sterling B.* Swarm // The Oxford Book of Science Fiction Stories / ed. by T. Shippey. Oxford-New York : Oxford University Press, 1992. Pp. 472–495.
34. *Stross Ch.* Accelerando. New York : Ace Books, 2005. 415 p.
35. *Stross Ch.* Singularity sky. London : Orbit, 2004. 400 p.
36. *Sturgeon T.* More Than Human. New York : Farrar, Straus and Young, 1953. 233 p.
37. *Tipler F.* The Physics of Immortality: Modern Cosmology, God, and the Resurrection of the Dead. New York : Doubleday, 1994. XXVI+528 p.